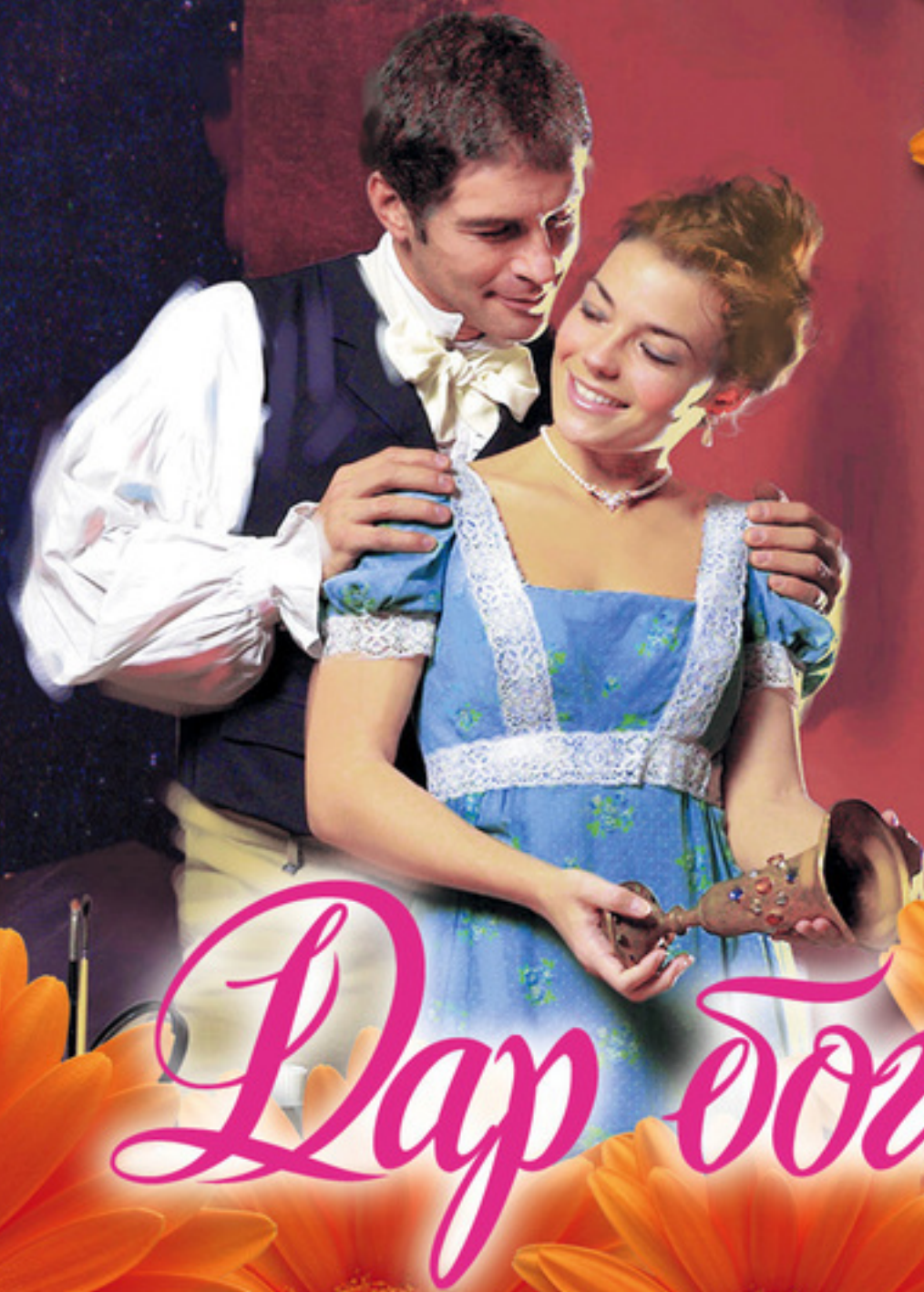

очарование

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Дар одогов

МУЛТИМЕДИА

Барбара Картленд

Дар богов

«АСТ»

1981

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Картленд Б.

Дар богов / Б. Картленд — «АСТ», 1981

ISBN 978-5-17-098581-4

Алиса и Пенелопа Уинтон, красавицы, дочери обедневшего лорда, приезжают в Лондон, где амбициозная Пенелопа надеется сделать выгодную партию. Но где взять денег на надлежащие туалеты? Алиса решает заработать, продавая кремы собственного изготовления, и случайно встречает циничного светского льва графа Кесвика. Так начинается история страсти, ниспосланной как дар богов...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098581-4

© Картленд Б., 1981
© АСТ, 1981

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барбара Картленд

Дар богов

© Barbara Cartland, 1981

© Перевод. М.В. Кузина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

От автора

Сестры Ганнинг, Мария и Элизабет, приехали из Ирландии в Лондон в 1751 году. Их немедленно провозгласили самыми прекрасными из ныне живущих женщин, но они были так бедны, что некоторое время им пришлось делить один наряд на двоих.

В 1752 году младшая, Элизабет, обвенчалась с шестым герцогом Гамильтоном. Это произошло в половине первого ночи в часовне Мейфэр. Вместо обручального кольца у невесты было колечко от занавески.

У Элизабет было два сына; оба стали герцогами Гамильтон, а после смерти мужа в 1758 году она вышла замуж за маркиза Лорна, который впоследствии стал герцогом Агилла.

Старшая сестра, Мария, вышла замуж за шестого графа Ковентри. Мария была так прекрасна, что как-то раз в Гайд-парке ее окружила восхищенная толпа и не давала проехать. После этого случая король настоял, чтобы ее всюду сопровождала стража из четырнадцати солдат.

У нее было пять детей, но умерла она в возрасте всего двадцати семи лет от чахотки, потому что здоровье было подорвано чрезмерным употреблением косметики, содержащей свинцовые белила.

Очаровательная мадам Вестрис была фавориткой многих знатных персон, и ее искусственность в делах любви ценилась наравне с ее профессиональными качествами. Она положила начало новому подходу к сценическому искусству, а ее ножки и смех были подобны сиянию солнца.

Глава 1

1821 год

Когда изящная коляска отъехала наконец-то от дома и покатила по запущенной подъездной аллее, дочери сэра Адриана Уинтона с облегчением вздохнули.

Последние несколько дней они с утра до ночи паковали вещи, готовя отца к отъезду в Шотландию. Сэр Адриан увлекался геологией и обожал писать умные, но ужасно скучные книги о скалах и камнях Британии, а потому, когда давний друг, живущий в Шотландии, пригласил его в гости, пообещав свозить не только в Пертширские горы, но и на Шетландские острова, он загорелся этой идеей, словно мальчишка.

– Мне всегда хотелось исследовать укрепления пиктов, – говорил он дочерям, – посмотреть, из чего они выстроены. И не удивлюсь, если окажется, что викинги везли камни с собой, через все Северное море – до сих пор этого никто точно не знает.

Пенелопа, младшая дочь, слушала его не слишком внимательно. Вопросы геологии ее не волновали, и она не собиралась этого скрывать.

Зато Алиса, которая очень любила отца, честно старалась вникнуть в то, о чем он говорит. Она понимала, что теперь, после того как умерла мама, работа стала для него всем на свете, и никогда не отказывалась ему помочь.

Сколько раз она переписывала его труды своим аккуратным, изящным почерком, прежде чем отослать издателю! Отец частенько зачитывал ей вслух ту или иную длинную главу своего очередного опуса в те часы, когда Пенелопа или уже спала, или приводила в порядок свой скудный гардероб.

Помахав отцу на прощание, сестры подождали, пока коляска скроется за поворотом, и вернулись в дом.

– Я хочу предложить тебе кое-что, – сказала Пенелопа. Алиса не ответила, и она раздраженно бросила: – Ты меня слышишь?

– Прости, я задумалась. Вдруг папенька взял с собой мало теплой одежды? В Шотландии гораздо холоднее, чем здесь, а он будет бродить по горам в любую погоду, забыв, что уже немолод и легко простужается.

– Перестань кудахтать над ним, как курица над цыпленком! – воскликнула Пенелопа. – Пойдем-ка в гостиную. Мне действительно нужно с тобой серьезно поговорить.

Бросив на сестру обеспокоенный взгляд, Алиса прошла за Пенелопой через холл в неприбранную, но уютную гостиную, которая, когда мама была жива, называлась еще «мамина комната».

Теперь в этой комнате сестры отдавали дань своим увлечениям: Пенелопа – шитью, а Алиса – рисованию. На стуле висело недошитое платье и лежала раскрытая корзинка для швейных принадлежностей, а на маленьком мольберте возле окна стояла неоконченная картина: первоцветы в фарфоровой вазе.

В гостиной было так много книг, что все не смогли поместиться в большом чиппендейловском книжном шкафу и были набросаны в угол, да еще на каждом столе лежали по две-три стопки.

Алиса была «читателем», а Пенелопа скорее «делателем». По характеру они были разными, хотя внешне – очень похожи.

Впрочем, кое-какое различие все же существовало.

Обе сестры были чрезвычайно, почти необыкновенно красивы, но Пенелопа, без сомнения, казалась более эффектной.

Золотистые, цвета спелой ржи волосы, синие, словно летнее небо, глаза, белоснежная кожа, нежный румянец на щеках – идеал красоты.

Посмотрев на Пенелопу, любой бы в первую минуту подумал, что так не бывает, но, взглянув на Алису и снова на Пенелопу, понял бы, что нет, все же бывает: Алиса была так же прелестна, как и сестра, только это не сразу бросалось в глаза.

Сэр Адриан как-то, будучи в романтическом настроении, назвал сестер «роза и фиалка»; прозвища эти подошли им как нельзя лучше. Сам он, впрочем, очень скоро об этом забыл, поскольку времени подумать о дочерях у него почти никогда не было.

Лишь за два дня до отъезда он удосужился сообщить Алисе:

– Кстати, Алиса, я написал твоей тете Генриетте и попросил разрешить вам пожить у нее.

– О нет, папа! Только не это! – невольно вырвалось у Алисы.

– Что ты имеешь в виду? – удивился сэр Адриан.

Поколебавшись, Алиса сказала:

– А разве мы... разве нельзя нам... остаться здесь? Вы же знаете... Бригстоки о нас позаботятся... до вашего возвращения.

– Бригстоки – слуги, – возразил сэр Адриан. – Уезжая на пару дней, я мог позволить им присмотреть за вами, но сейчас я буду отсутствовать два или три месяца. Нет, это исключено.

Алиса промолчала.

Она напряженно искала выход. Пригласить кого-нибудь пожить здесь, пока папенька будет в Шотландии... Ей отчаянно не хотелось уезжать из деревни, которую любила, и торчать в Лондоне в обществе тетки Генриетты.

Им с сестрой уже доводилось дважды гостить у нее; оба раза Алиса изнывала от скуки, а Пенелопа назвала атмосферу, царящую в теткинском доме в Ислингтоне, гнетущей.

Старшая сестра сэра Адриана задолго до того, как он женился, вышла замуж за офицера.

Армейская карьера генерала Ледбери была успешной и долгой. Сэр Адриан презрительно называл его «вояка в кресле», имея в виду, что он ни разу не был на поле боя, не нюхал, так сказать, пороху.

Выйдя в отставку, он получил орден и вскоре умер, оставив жене немного денег и ни одного ребенка. Возможно, именно поэтому леди Ледбери обожала делать людям добро и добывать деньги для миссионеров, увечных солдат и детей-сирот.

Каждый раз, приезжая к ней, племянницы обязаны были либо шить уродливую одежду для жителей каких-нибудь богом забытых мест, наверняка предпочитавших обходиться вообще без нее, либо переписывать религиозные трактаты, поскольку перепечатку община считала чересчур дорогим удовольствием.

Посвятить подобным занятиям целых два, а то и три месяца – об этом Алисе было страшно подумать. Но так как отец ни в какую не соглашался разрешить своим дочкам остаться дома, Алиса, которая не любила с ним спорить, решила, что разумнее будет уступить, уповав на то, что он скоро вернется домой.

Взглянув на стоявший у окна мольберт, Алиса с грустью подумала, что тетя ни за что не позволит тратить время на такое пустое, по ее мнению, занятие, как живопись. А если Пенелопе захочется сшить что-нибудь для себя, ей придется делать это украдкой, по ночам.

Алиса перевела взгляд на сестру и с удивлением увидела, что та улыбается и ее большие глаза весело поблескивают.

– Чему ты так рада? Что случилось?

– Мне пришла в голову замечательная идея! – ответила Пенелопа. – Вчера, после разговора с Элоизой.

Элоиза Кингстон была дочерью местного сквайра. До прошлого года сестры учились с ней вместе – пока ее не отправили в институт благородных девиц.

Неделю назад она вернулась домой, и Пенелопа уже успела с ней встретиться, а у Алисы не нашлось на это времени: она была слишком занята, собирая отца в дорогу.

– Как хочется повидать Элоизу! – воскликнула Алиса. – Она рада, что снова дома?

– В конце этого месяца ее представят ко двору, – вместо ответа горько заметила Пенелопа.

Только Алиса знала, как обидно для Пенелопы то, что у Элоизы скоро появится возможность бывать на всех балах, приемах и раутах, а ей самой придется сидеть дома.

– Это нечестно! – повторяла она снова и снова. – Почему папенька не сделает для нас того же самого?

– Он не может себе этого позволить, – неизменно отвечала Алиса. – Ты же прекрасно знаешь, Пенелопа, что мы едва сводим концы с концами.

– Так почему бы ему не написать нормальную книгу и получить за нее деньги, вместо того чтобы печатать толстенные скучные тома, которые никто не читает?

На это Алиса всегда улыбалась:

– По-моему, ему и в голову не приходит, что он должен быть кормильцем. Да и в любом случае, он счел бы это ниже собственного достоинства.

– Но ведь фамильное древо есть не станешь, и на титул седьмого баронета не сошьешь нового платья! – в сердцах восклицала тогда Пенелопа.

Куда легче было бы переносить нищету, если бы Элоиза, которая к ним очень хорошо относилась, не рассказывала, приезжая на каникулы, о людях, с которыми познакомилась, и о развлечениях, которые ждали ее в предстоящем сезоне.

А к Рождеству сквайр с супругой собирались ввести свою единственную дочь в высшее общество.

Это было не так уж легко. В Хартфордшире отец Элоизы пользовался широкой известностью, поскольку был крупным землевладельцем, но в Лондоне его мало кто знал, и представители этого самого высшего общества не спешили распахивать перед его дочерью двери своих домов.

И все-таки, видимо, он добился успеха, поскольку, по словам Пенелопы, Элоиза получила приглашения почти на все балы, которые должны были состояться в столице в следующем месяце, и задержалась с возвращением домой, потому что покупала с матерью новые платья.

– Никогда не видела ничего лучше! – восторгалась Пенелопа. – И новые фасоны ничуть, ну просто ничуть не похожи на те, что мы с тобой носим, Алиса. – Голос ее зазвучал мечтательно: – Юбки пышнее, подол украшен кружевом, цветами и вышивкой. Талия, правда, высокая, как и раньше. Рукава широкие. А шляпки такие красивые – просто неописуемо!

Алиса не могла не подумать, что Элоиза совершила большую ошибку, показав Пенелопе свои новые туалеты. Зависть – дурное чувство. Хорошо бы сквайр со своим семейством поскорее уехал в Лондон.

И сейчас, полагая, что ей предстоит в очередной раз услышать описание платьев Элоизы, Алиса покорно уселась на софу и приготовилась внимать восторгам сестры. Но она ошиблась: Пенелопа заговорила совсем о другом.

– Элоиза рассказала о двух девушках по фамилии Ганнинг, – начала она. – Они жили в Ирландии и, когда им исполнилось восемнадцать, приехали в Лондон. Обе были очень красивы и очень бедны.

Алиса улыбнулась.

– Я знаю эту историю, – сказала она. – Давным-давно я читала о них и, кстати, тебе говорила.

– Наверное, я не слушала, – отмахнулась Пенелопа. – Так вот. Младшая вышла замуж сначала за герцога Гамильтона, потом, после его смерти, за герцога Аргилла, а старшая – за графа Ковентри.

– И умерла совсем молодой, – подхватила Алиса, – потому что пользовалась кремом от морщин, в котором были свинцовые белила.

– Ну тебе-то не нужно будет этого делать.

Алиса удивленно взглянула на сестру:

– В каком смысле?

– В таком, что мы с тобой станем сестрами Ганнинг! – ответила Пенелопа. – Я все хорошенько обдумала. Хотя ты у нас великая скромница, но красотой мы с тобой этим сестрам не уступаем.

Алиса рассмеялась:

– Готова согласиться, дорогая, но весьма маловероятно, что два герцога свалятся к нам через дымоход, а граф влезет в окошко.

– Ты разве успела забыть, – поинтересовалась Пенелопа, – что мы едем в Лондон?

– Честно говоря, одна мысль об этом приводит меня в ужас, – ответила Алиса. – И потом, у тети Генриетты можно встретить только священников и миссионеров.

– И все же она живет в Лондоне.

– А нам чем это поможет?

Помолчав, Пенелопа сказала:

– Я абсолютно уверена, что, если мы сможем попасть хотя бы на один из тех балов, куда приглашена Элоиза, нам обеспечен такой же бешеный успех, как сестрам Ганнинг.

Алиса опять рассмеялась:

– Мне кажется, это маловероятно. А если и сможем, то в наших платьях будем выглядеть словно нищенки. Не ты ли совсем недавно расписывала во всех подробностях те потрясающие наряды, которые теперь в моде?

– У сестер Ганнинг было одно платье на двоих, – заметила Пенелопа. – Когда одна выезжала в свет, другой приходилось валяться дома в постели. А у нас с тобой их будет два – одно мне, другое тебе. – Алиса недоверчиво покачала головой, а Пенелопа продолжала как ни в чем не бывало: – Миссис Кингстон недавно сказала кое-что, и я еще раз подумала, что нам с тобой, как сестрам Ганнинг, просто необходимо держаться вместе. – Поймав недоумевающий взгляд Алисы, Пенелопа пояснила: – Она говорила о вазах, что стоят у нее в гостиной на каминной полке. Знаешь, те, из северского фарфора. Я их видела тысячу раз, а тут вдруг заметила, что ваз не две, а только одна. Я спросила:

– А где же другая ваза, сударыня?

Миссис Кингстон вздохнула и ответила:

– Служанка разбила на прошлой неделе. Я на нее сильно рассердилась. Вы знаете, наверное, что хотя северский фарфор вообще очень ценится, но парные вазы стоят намного больше, чем одна.

– Понимаю, что ты хочешь сказать, – кивнула Алиса. – Только все же никак не пойму, где мы возьмем хотя бы одно платье, не говоря уж о двух. – И, поднявшись с софы, добавила: – Ах дорогая! Я знаю, как ты мучаешься оттого, что не можешь, как Элоиза, выехать в свет. Но ведь в Библии сказано: «Трудно идти против рожна». Нужно принимать вещи такими, какие они есть.

Обняв сестру, Алиса поцеловала ее в щеку.

Но Пенелопа, к ее удивлению, резко отстранилась и решительно проговорила:

– А я хочу именно, как ты выражаешься, «идти против рожна»! И ни за что не позволю судьбе, а вернее, бедности взять верх надо мной!

Алиса могла понять ее обиду: даже в раздражении Пенелопа оставалась очаровательной. Характером она пошла в отца – такая же решительная и упрямая, готовая любой ценой добиться своего. Алиса, наоборот, была похожа на мать – мягкая и послушная, умеющая смириться с превратностями судьбы.

– Мы должны достать денег на новые платья, – проговорила Пенелопа, обращаясь скорее к себе, чем к сестре, и внезапно с радостным восклицанием закружилась по комнате: – Придумала!

– Что? Где взять деньги? – спросила Алиса.

– Да, – ответила Пенелопа. – Вчера за чаем миссис Кингстон рассказывала о людях, которые прислали Элоизе приглашения на званые вечера. В их числе оказалась леди Харрисон – миссис Кингстон с ней училась в школе. «Теперь она живет припеваючи, – заметила миссис Кингстон. – А все потому, что ее муженек постоянно крутится при дворе нового короля». Она долго распространялась на эту тему, – продолжала Пенелопа. – Ну ты сама знаешь, как миссис Кингстон любит поговорить. А потом она сказала нечто, что навело меня на светлую мысль.

– И что же это? – спросила Алиса.

– «Леди Харрисон, разумеется, старается сохранить молодость, – процитировала Пенелопа, – и с этой целью, по ее словам, покупает у некой миссис Лалуорт с Бонд-стрит уйму лосьонов и кремов. А знаете ли вы, что самая маленькая баночка крема от морщин стоит целый фунт?»

Пенелопа замолчала, выжидательно глядя на сестру. Понимая, что от нее требуется что-то сказать, Алиса воскликнула:

– Да это же куча денег! А если кремы ей не помогут?

– Это будет как раз то, что нам нужно.

– Что ты такое говоришь? Ничего не понимаю...

– Ах, Алиса! Как же ты туго соображаешь! – воскликнула Пенелопа. – Что, если нам продать те кремы, которыми пользовалась мама? Ведь мы же делаем их для себя. Помнишь эту страшненькую девчонку Коснетов? У нее все лицо было в прыщах, а после того как мы дали ей наши кремы, они прошли за четыре дня!

– Ты думаешь... Ты предлагаешь... – начала Алиса.

– Да! – перебила ее Пенелопа. – Именно так мы и заработаем деньги на четыре платья: два утренних туалета и два вечерних.

– Да ты с ума сошла! – воскликнула Алиса. – Никто не заплатит за баночку нашего крема целый фунт, как бы хорош он ни был! Та же миссис Коснет подарила нам за хлопоты лишь букетик нарциссов из своего сада.

– А я и не собираюсь продавать наши кремы миссис Коснет или таким, как она, глупышка! – нетерпеливо возразила Пенелопа. – Мы предложим их дамам вроде леди Харрисон, а они заплатят сколько угодно, лишь бы вернуть себе прежнюю красоту.

– Нет, это невозможно! И потом, что скажет отец?

– Отец ничего не скажет, потому что он уехал по меньшей мере месяца на два, а когда вернется, лондонский сезон уже закончится. Ты не хуже меня знаешь, что в этом году коронация и лето должно быть еще интереснее и увлекательнее, чем всегда.

Алиса знала, что это правда.

Регент, который так долго ждал дня, когда станет королем, наконец-то его дождался – правда, лишь в пятьдесят восемь лет. В июле должна была состояться коронация, и, если верить газетам, Лондон уже был наводнен не только английскими аристократами, но и именитыми иностранцами, которые съехались со всех уголков Европы.

– Если наделать побольше кремов и придумать для них какие-нибудь заманчивые названия, светские дамы раскупят их в мгновение ока, – продолжала между тем Пенелопа.

– Ты всерьез предлагаешь, – проговорила Алиса, – отвезти кремы в Лондон и продать миссис Лалуорт, как будто мы простые разносчики?

– Я готова продать что угодно, лишь бы купить новые платья! И какое мне дело, что о нас подумает миссис Лалуорт? Она нас раньше в глаза не видела и вряд ли увидит потом.

Возразить на это было нечего, а Пенелопа продолжала уговаривать сестру, и постепенно Алиса начала сдаваться.

Нет сомнений, что мамины кремы, изготовленные из цветов и трав, росших у них в саду, пользовались неизменным успехом в деревне, где жили Уинтоны.

Люди часто обращались к миссис Уинтон, и ее целебный настой из ромашки, как выяснилось, гораздо лучше снимал температуру и помогал от кашля, чем те лекарства, которыми пичкали больных врачи.

Она научила своих дочерей делать настои и кремы, но до сегодняшнего дня Алисе и в голову не приходило, что ими можно торговать.

– Если мы продадим двадцать баночек по десять шиллингов, – деловито размышляла Пенелопа, – которые миссис Лалуорт продаст уже по одному фунту, это будет выгодно и нам, и ей, и мы сможем купить одно платье.

– А вдруг миссис Лалуорт их вообще не возьмет? – возразила Алиса.

– Нужно хотя бы попробовать. Я не собираюсь отправляться в Лондон в этом ужасном платье! Отказываюсь! На него смотреть страшно! Буду сидеть здесь одна, пока отец не вернется.

– Какая разница, во что мы одеты, если будем безвылазно торчать в Ислингтоне? – чуть слышно пробормотала Алиса.

Без сомнения, это была чистая правда, но она только укрепила Пенелопу в решимости во что бы то ни стало раздобыть хоть немного денег и, проникнув, как сестры Ганнинг, в высшее общество, затмить собой всех светских красавиц.

– В любом случае, – продолжала Алиса, – если даже мы ухитримся раздобыть денег, это не значит, что нас наперебой станут приглашать на всякие балы и приемы.

– Об этом я тоже подумала.

Алиса насторожилась.

Идеи, которые сестрица уже успела высказать, отличались экстравагантностью, и она не сомневалась, что и сейчас услышит что-то подобное.

– Ты помнишь, маменька рассказывала нам о своей подруге детства Элизабет Денисон? – спросила Пенелопа и, не дожидаясь ответа, продолжала: – Я только недавно узнала, что теперь она маркиза Конингхем и ее имя не сходит со страниц газет.

– После замужества маркиза не очень-то жаловала маму своим вниманием, – заметила Алиса.

– А как же иначе, если мама заживо похоронила себя в этой глуши? Но Элизабет Денисон была старше мамы и очень богата.

Алиса промолчала, зная, что мать была слишком горда, чтобы просить о милости кого бы то ни было. И если ее подруга детства стала знатной дамой, она ни за что не стала бы напоминать о себе даже во имя старой дружбы.

– Прошлой ночью я все хорошенько обдумала, – продолжала Пенелопа. – Мы сделаем вот что. Когда приедем в Лондон, напишем маркизе Конингхем, что мама умерла, и добавим, что у нас остался маленький сувенир, память о тех временах, когда они с маменькой были молоды, – сувенир, который, мы не сомневаемся, она хотела бы получить в собственность.

– Неужели ты действительно собираешься это сделать? – возмущенно воскликнула Алиса.

– Собираюсь и непременно сделаю! – заявила Пенелопа. – Хватит прикидываться дурочкой, Алиса! Мама ужасно расстроилась бы, узнай она, что мы с тобой сидим в этом жалком домишке, никуда не выходим, никого не видим и красота наша пропадает зря!

Голос Пенелопы был полон такой страсти, что Алиса не нашлась что ответить.

Она знала, что это правда. Миссис Уинтон была вполне счастлива, живя в деревне, потому что любила мужа, но всегда желала своим дочерям той жизни, которую вела сама, когда была юной девушкой.

Ее родители слыли в Гемпшире важными персонами. Отец владел крупным поместьем, и каждый год, когда начинался светский сезон, все семейство переселялось в Лондон.

Миссис Уинтон была единственной дочерью. Когда она выросла, ее представили ко двору, а потом в ее честь был дан веселый и шумный бал, о котором она не раз рассказывала Алисе и Пенелопе – разумеется, когда они достаточно подросли, чтобы можно было разговаривать на подобные темы.

Через три месяца после первого выезда в свет она обручилась с сэром Адрианом, а осенью они уже поженились, чтобы, как нередко говаривала Алиса, «жить долго и счастливо».

Увы, затяжная война уменьшила состояние сэра Адриана, и к тому же он не унаследовал имущества тестя, которое перешло к его сыну, брату миссис Уинтон.

Получив наследство, тот вскоре пал на поле боя, но поместье вновь отошло не к сестре, а к дальнему родственнику, кузену, носившему ту же фамилию.

В результате отец с матерью вынуждены были жить более чем скромно, но Алиса понимала, что Пенелопа права: если бы мать знала, как скучно они живут, как редко отец приглашает в дом гостей и не менее редко сами получают приглашения от соседей, она бы очень расстроилась.

Впрочем, в гостях у соседей они бывали нечасто еще и по другой причине: о ней Пенелопа сообщила сестре не далее как на прошлой неделе.

– Мы с тобой слишком хорошенькие, вот в чем дело. Миссис Кингстон шепнула, что у Хартменсов бал через месяц, но нас на него не пригласят.

– Не очень-то любезно с их стороны, – заметила Алиса.

– При чем тут любезность! Просто мера предосторожности. Представь, что будет, когда мы войдем в зал. Все кавалеры этой простушки Элис, которая двух слов связать не может, и прыщавой Шарлотты тут же их побросают и сбегут к нам.

– Как ты можешь так говорить о людях! – воскликнула Алиса.

– Но это же правда! – стояла на своем Пенелопа. – Они тяжелые, как мешки с углем, и кто захочет катать их по залу, если есть мы, легкие и изящные?

Алиса, не удержавшись, рассмеялась.

Хотя ей было неловко соглашаться с сестрой, она не могла не вспомнить, с каким выражением на обеде, куда они были приглашены, полковник Хартменс смотрел на них и как потом усадил их по обе стороны от себя и принялся петь дифирамбы их красоте.

Разгоряченная разговором с сестрой, Алиса открыла окно. Лужайка перед домом сплошь заросла травой, но под деревьями раскинулся великолепный ковер золотистых нарциссов, и бело-розовые цветочки миндаля, как ажурные украшения, четко вырисовывались на фоне синего неба.

– До чего же у нас красиво! – восторженно воскликнула Алиса. – Неужели тебе этого недостаточно?

– Ну уж нет! – решительно возразила Пенелопа. – Умоляю, Алиса, помоги мне! Кто еще мне поможет, если не ты?

У Алисы было мягкое сердце, и этот крик отчаяния тронул ее. Она не могла отказаться, и десятью минутами позже согласилась на план, поначалу показавшийся нелепым и сумасбродным.

– Ладно, попробуем продать мамины кремы. Только в Лондон я отвезу их сама.

– У тебя не получится так, как вышло бы у меня! – возразила Пенелопа.

– Получится, если они и в самом деле так хороши, как ты говоришь, – возразила Алиса. – И потом, не стоит тебе, дорогая, торговать кремом на Бонд-стрит, где, если все выйдет, как мы задумали, ты будешь покупать нам новые платья. – Алиса сделала паузу и, поскольку Пенелопа ничего не ответила, продолжала: – Ты прекрасно знаешь, что я не так красива, как ты, поэтому лучше в Лондон поехать мне. Мне кажется, для начала нужно отвезти миссис Лалуорт две-три баночки, и если она заинтересуется, мы наделаем столько крема, сколько она пожелает. – Мгновение поколебавшись, Алиса добавила: – Может, попросить ее никому ничего не говорить? И попробовать договориться, чтобы она не платила нам за крем, а разрешила купить у нее платья в счет будущей выручки?

Пенелопа, радостно всплеснув руками, обняла сестру.

– Какая ты умница, право, моя дорогая! Я так и знала, что ты со мной согласишься!

– Что же мне еще остается? Но я вовсе не уверена, что это хороший способ обзавестись нарядами.

– Хороший или плохой – другого я не вижу, – отозвалась Пенелопа. – Если бы мы, например, захотели продать какую-нибудь картину или зеркало, просто не представляю, кому их предложить.

– О чем ты говоришь! – в ужасе воскликнула Алиса. – Эти вещи принадлежат папеньке, а значит, мы бы их просто украли!

Пенелопа улыбнулась:

– Я так и знала, что ты это скажешь! Но что до меня, то я думаю, что, если продать половину того, что есть в доме, папенька ничего не заметит. Ему вообще нет дела ни до чего, кроме его книг.

С этим трудно было не согласиться, только Алиса не была готова дальше развивать эту тему.

– Будем продавать только то, что принадлежит нам, – твердо сказала она. – И первое, что мы должны сделать, – это убедиться, что наши кремы вообще кто-то захочет купить.

Два дня спустя Пенелопа проводила Алису на дилижанс, который останавливался на перекрестке в центре деревни.

Они встали на рассвете, поскольку Алисе предстояло многое успеть за день: добраться до Лондона, продать кремы и вернуться домой дилижансом, который проходил через деревню в шесть часов вечера.

– Если ты на него не успеешь, – предупредила Пенелопа, – придется заночевать у тети Генриетты, а она, безусловно, найдет странным, что ты отправилась в Лондон одна.

– Не волнуйся, у меня уйма времени, – ответила Алиса. – Честно говоря, мне и самой страшновато ходить по Лондону в одиночку. Так что постараюсь управиться побыстрее, а потом сяду в вестибюле гостиницы «Двуглавый лебедь» и буду ждать дилижанса.

– Это ты хорошо придумала, – одобрительно заметила Пенелопа. – И все же, мне кажется, будет лучше, если я поеду с тобой.

– Нет-нет, – поспешно возразила Алиса.

Она прекрасно понимала: как бы невзрачно ни оделась Пенелопа, на нее все равно будут обращать внимание, а это опасно. И хотя ей действительно было очень неприятно ехать в Лондон одной, Алиса знала, что другого выхода нет: миссис Бригсток не в состоянии поехать с ней – старушка еле ходит, а Эмили, девчонка, что приходит к ним мыть полы, чересчур неотесанна, а главное – страшно болтлива и наверняка растрезвонит по всей деревне о том, куда она ездила и зачем.

«Я должна ехать одна, – сказала себе Алиса. – И одеться как можно скромнее, чтобы никто меня не заметил».

И она, поскольку не просто нервничала, а скорее, немножко побаивалась, выбрала для поездки самое простое темно-синее платье и невзрачную пелеринку, которую носила еще миссис Уинтон. Шляпка, хоть и дешевенькая, была украшена искусственными цветами, но Алиса их безжалостно спорола.

– Вылитая пуританка, – сказала Пенелопа, увидев Алису в этом наряде.

– Мне бы в руку еще какую-нибудь религиозную брошюру тети Генриетты, – весело подхватила Алиса, – и тогда уж точно никто не взглянет в мою сторону.

– Если мне придется сидеть вечер за вечером в ее мрачном доме в Ислингтоне и слушать, как она разглагольствует о «несчастных неграх в Африке», клянусь, я брошусь в Серпентайн, – проворчала Пенелопа.

– И какой-нибудь красавец бросится в воду и спасет тебя, – со смехом подхватила Алиса.

– Скорее какой-нибудь старикан выловит багром! – буркнула Пенелопа. – Так что бога ради избавь меня от подобной участи, продай наши кремы.

Сестрам пришлось изрядно потрудиться, чтобы смешать кремы в точности по рецепту миссис Уинтон; один, состоящий из свежего огуречного сока и трав, в изобилии росших в саду, получился самым удачным.

Сэр Адриан перед отъездом оставил Алисе десять фунтов.

– Этого хватит вам на дорогу да еще останется на чаевые слугам и прочие мелочи, – сказал он. – Больше дать не могу, и так пришлось заплатить Бригстокам за два месяца вперед.

– Я понимаю, – ответила Алиса. Хотя друг, пригласивший сэра Адриана в Шотландию, обещал оплатить проезд, она не сомневалась, что папеньке предстоит еще много расходов.

Ранний дилижанс, на котором уезжала Алиса, был почти пуст. Две фермерши, собравшиеся в город на рынок, сидели внутри, а трое мужчин предпочли устроиться снаружи, на козлах. Все они как один повернулись и уставились на Пенелопу, когда та целовала сестру на прощание.

«Хорошо, что она со мной не едет», – подумала Алиса.

Когда дилижанс тронулся, она помахала сестре и, усевшись поудобнее, вступила в беседу с фермершами.

Разговор, естественно, вертелся вокруг предстоящей коронации и торжеств, которые состоятся по этому поводу в деревне.

– Уж повеселимся вволю, – сказала одна из женщин. – На целый год разговоров хватит.

– А по мне, хоть бы этих праздников и вовсе не было! – заявила другая. – Король развлекается, а расплачиваться придется нам, помяните мое слово. Каждый должен жить по средствам, вот что я вам скажу, даже король.

«Как это верно, – с грустью подумала Алиса, – каждый должен жить по средствам». И при мысли о том, что на деньги, вырученные за несколько баночек крема, невозможно купить все, что хотелось бы Пенелопе, она совсем упала духом.

В Лондон дилижанс прибыл рано, и Алиса решила прогуляться от Ислингтона до Бонд-стрит.

Расстояние было немаленькое, но это ее не пугало – она привыкла ходить пешком. Хотя Алиса очень любила ездить верхом, они не могли позволить себе держать больше двух лошадей. Это означало, что на охоту с отцом они с Пенелопой ездили по очереди, так как одну лошадь сэр Уинтон прочно, хотя и негласно, закрепил за собой.

«Все равно что носить одно платье на двоих», – подумала Алиса и поймала себя на том, что размышляет о головокружительном успехе сестер Ганнинг. Этим успехом они, видимо, целиком и полностью были обязаны своей красоте.

Себя Алиса не считала сногшибательной красавицей, хотя и не могла отрицать, что недурна собой, а вот Пенелопа казалась ей самой обворожительной девушкой на свете.

Внезапно Алисе пришло в голову, что следовало поговорить с отцом перед его отъездом насчет того, что неплохо бы дать Пенелопе возможность встречаться с молодыми людьми. Может быть, за кого-нибудь она вышла бы замуж.

«Я просто обязана была это сделать! – корила себя Алиса. – Ведь я старше!»

Она и в самом деле была на полтора года старше Пенелопы, которой только недавно исполнилось семнадцать.

Алиса была твердо убеждена, что сестре никогда бы не пришло в голову торговать какими-то кремами, если бы отец не уехал в Шотландию, а остался дома и если бы Элоиза Кингстон не заставила ее невольно завидовать, расписывая свои блестящие перспективы.

«Только в нашей деревне, – резонно сказала себе Алиса, – нет никакой надежды встретить такого человека, как наш отец».

Сэр Уинтон в свое время служил в гренадерском полку и в красном мундире, белых панталонах и медвежьей шапке был, без сомнения, неотразим. Неудивительно, что миссис Уинтон влюбилась в него без памяти.

«И он ее тоже любил», – подумала Алиса.

Именно о таком браке, браке, основанном на любви, она и мечтала, в то время как Пенелопа видела себя светской дамой в диадеме и бриллиантах. А уж с кем она будет стоять под руку на приеме в Карлтон-Хаусе или Королевском павильоне в Брайтоне, большого значения не имело.

«Наверное, я не честолюбива», – со вздохом решила Алиса. И тем не менее она твердо считала, хотя никому, даже Пенелопе, в этом бы не призналась, что если человеку выпало счастье полюбить, то большего и желать нельзя.

Идя по улицам, Алиса по-новому вслушивалась в громкие крики уличных торговцев, на все лады расхваливавших свой товар. Чем они только не торговали! И молоком в огромных бидонах, и первыми весенними цветами – первоцветами и нарциссами, и маслом, и свежими яйцами. А попав на Бонд-стрит, улицу, знаменитую своими великолепнейшими магазинами, Алиса принялась с наслаждением разглядывать их витрины. Чего там только не было – и все хотелось купить!

Она сразу же поняла, что имела в виду Пенелопа, когда говорила, что их одежда давно вышла из моды. Сестра, как всегда, оказалась права. Шляпки, например, теперь носили высокие и щедро украшали их страусовыми перьями и шелковыми цветами. Глядя на них, Алиса невольно задумалась, можно ли сделать те немыслимые головные уборы, которые были у них с Пенелопой, хоть чуточку помоднее, и когда наконец решила, что можно, рядом вдруг остановился какой-то мужчина. Алиса с ужасом поняла, что он собирается с ней заговорить, и поспешно пошла прочь, не дав ему и рта раскрыть, по пути ругая себя за то, что столько времени проторчала перед витриной.

Чем ближе Алиса подходила туда, где, по ее расчетам, должен быть магазин миссис Лалуорт, тем сильнее колотилось у нее сердце. Она не ошиблась, магазин оказался там, где она предполагала; это было внушительных размеров здание, где, кроме платьев, торговали тканями и фурнитурой. В магазине уже толпились покупатели, пробуя на ощупь великолепные и, вне всякого сомнения, дорогие шелка, разложенные на прилавке у двери.

Не решаясь больше задерживаться у витрины, Алиса бросила на нее лишь мимолетный взгляд, но тем не менее успела заметить со вкусом расставленные на красивой шелковой подушке небольшие баночки – по-видимому, с кремом для лица.

– Чем могу служить, сударыня? – раздался рядом высокомерный голос.

Алиса обернулась. Во взгляде продавщицы читалось такое презрение, что ей захотелось броситься наутек. Однако она взяла себя в руки и, собрав все свое мужество, запинаясь проговорила:

– Могу я... видеть... миссис Лалуорт?

Продавщица оглядела ее с головы до ног и, видимо, решив, что особе в такой убогой одежде не место в их столь уважаемом заведении, поинтересовалась:

– Позвольте узнать, зачем она вам понадобилась?

Алиса вздернула подбородок:

– У меня к миссис Лалуорт дело частного характера, и я прошу вас немедленно отвести меня к ней!

Ее певучий голос и красивое лицо под уродливой шляпкой смутили продавщицу, и она, поскольку была сообразительнее, чем казалась на первый взгляд, приняла решение без дальнейших расспросов выполнить требование посетительницы.

– Прошу сюда, сударыня. – Она повела Алису в глубь магазина, мимо нарядных платьев и великолепных шляпок. Женщина, одетая в черное, распекала за что-то другую продавщицу – безмерно напуганную молоденькую девчонку.

– К вам посетительница, мадам, – проговорила девушка, которая привела Алису, и поспешно ретировалась, опасаясь, видимо, что и ей попадет. Та, которую отчитывала миссис Лалуорт, под шумок тоже исчезла, и Алиса осталась с хозяйкой магазина один на один.

– Чем могу служить... мадам? – с принужденной улыбкой спросила миссис Лалуорт, выделив последнее слово небольшой паузой. На мгновение мужество покинуло Алису. От страха она не могла вымолвить ни слова и подумала: не проще ли уйти прямо сейчас, не пытаюсь ничего продать?

Но, вспомнив о Пенелопе – как же она огорчится, бедняжка! – Алиса взяла себя в руки и с некоторой дрожью в голосе произнесла заранее подготовленную и отрепетированную фразу, которая, как считала Пенелопа, должна была произвести впечатление на миссис Лалуорт:

– Насколько мне известно... миссис Лалуорт, леди Харрисон купила у вас несколько баночек совершенно замечательного крема для лица?

– Да, и ее светлость осталась очень довольна.

– У меня есть несколько... баночек крема... Он лучше, чем все... которые леди Харрисон... доводилось пробовать. Я принесла их... с собой. Быть может... вы захотите... пустить их в продажу...

Миссис Лалуорт помолчала.

– Вы сами их делаете?

– Да.

– И они действительно эффективны?

– Да, очень! Мы живем за городом, и, если у кого-то из соседей вдруг что-то не так с кожей, все бегут к нам. И после наших кремов все как рукой снимает.

Алиса открыла шелковую сумочку, в которой лежали три баночки крема и, перехватив недоверчивый взгляд миссис Лалуорт, сказала:

– Прошу вас, только взгляните, миссис Лалуорт. Вот в этой баночке с зеленой ленточкой крем, который мы называли «Весенняя свежесть».

Миссис Лалуорт издала звук, который с равным успехом мог означать как одобрение, так и презрение, а Алиса между тем вытащила из сумочки остальные баночки. В одной был крем под названием «Золотое чудо», в состав которого входил первоцвет, а в другой – «Алый восход», на основе сока свежей моркови.

Миссис Лалуорт испробовала каждый на собственных руках. Руки у нее были старческие, все в крупных узлах вен и в темных веснушках, которые, как знала Алиса, появляются с возрастом. Потом резко, так, что Алиса чуть не подпрыгнула от неожиданности, спросила:

– Вы сами пользуетесь этими кремами?

– Да, всегда, – ответила Алиса.

– И вы готовы в этом поклясться? – настаивала миссис Лалуорт, пристально глядя на гладкие, цветущие щеки Алисы, тронутые легким румянцем волнения.

– Клянусь! – воскликнула Алиса. – Да и моя сестра тоже...

Она осеклась, пожалев, что так необдуманно упомянула о Пенелопе, но миссис Лалуорт не обратила на это никакого внимания. В данный момент ее беспокоило совсем другое.

– И сколько же вы хотите за этот крем? – спросила она.

– Как мне известно... – нерешительно начала Алиса, – леди Харрисон платит вам за баночку... свыше одного фунта... так что я думала... что если вы заплатите мне по десять шиллингов... это будет справедливо.

Миссис Лалуорт расхохоталась.

– И как, – ядовито спросила она, – по-вашему, я оплачу аренду, выплачу жалованье своим служащим и сделаю необходимые закупки на ту мизерную выручку, что у меня останется? Да мне придется влезать в долги!

У Алисы упало сердце.

Можно было заранее сказать, что миссис Лалуорт никогда не заплатит такую сумму. Зря Пенелопа на это рассчитывала.

Она выглядела в эту минуту такой несчастной и в то же время такой юной; ее кожа в утреннем свете, льющемся через окно, была так чиста и свежа... Миссис Лалуорт стало ее искренне жаль.

– Ну ладно, моя милая, сделаем вот что, – сказала она. – Вы отправитесь к одной моей покупательнице – я только что получила от нее записку с просьбой прислать какой-нибудь новый крем. Перед вашим приходом я как раз раздумывала над тем, что бы ей ответить.

Глаза Алисы вспыхнули надеждой, а миссис Лалуорт продолжала:

– Ступайте к ней не откладывая и покажите ваши кремы. Если они ей понравятся, я куплю у вас все, что есть на сегодняшний день, поскольку пол-Лондона тотчас же, как обезьяны, начнут ими пользоваться. Вы меня поняли?

– О, спасибо вам... большое спасибо! – воскликнула Алиса. – Я уверена, они ей понравятся.

Миссис Лалуорт пожала плечами.

– Может, да, а может, и нет. Эта особа непредсказуема, и, если у нее сегодня дурное настроение, она может не только не купить ваш крем, но и запустить в вас вашими баночками.

Алиса испуганно взглянула на миссис Лалуорт и непроизвольно прижала к себе сумочку.

– Ну что, готовы? – спросила миссис Лалуорт. – Но если вам не удастся продать свой товар тому, кому он действительно нужен, то мне он и подавно ни к чему. – Она еще раз недоверчиво поглядела на безупречную кожу Алисы и добавила: – Ну идите же! И после того как побываете у мадам Вестрис, еще раз зайдите ко мне. Мне интересно узнать ее мнение о ваших кремах.

– Мадам... Вестрис? – переспросила Алиса, решив, что ослышалась.

– Ну да, мадам Вестрис из Королевского театра. Она говорила, что у нее сегодня с утра репетиция, и от того, как пройдет эта репетиция, зависит ее настроение. Так что рискните, вдруг повезет.

– Мадам Вестрис... Королевский театр... – повторила Алиса, словно боясь забыть.

– Чего же вы ждете? – нетерпеливо бросила миссис Лалуорт. – Идите же и постарайтесь убедить примадонну, как любит называть себя мадам Вестрис, что ей просто жизнь будет немила без ваших кремов.

– Благодарю вас, – еще раз повторила Алиса и, сложив баночки в шелковую сумочку, вышла из магазина.

Глава 2

От Бонд-стрит до Королевского театра в Хеймаркете было недалеко, но Алиса почти всю дорогу бежала, боясь, что опоздает и мадам Вестрис, закончив репетицию, уедет.

По пути она старалась припомнить все, что знает об этой известной актрисе. Оказалось, что вовсе не мало.

Пенелопа всегда весьма живо интересовалась всем, что имело хотя бы малейшее отношение к театральному искусству и жизни актеров, – вероятно, потому, что им с сестрой редко доводилось бывать в театре.

Их мать, когда была жива, часто просила сэра Уинтона свозить дочерей в оперу, считая, что это необходимо для расширения кругозора, и несколько раз они были на спектаклях, поставленных по пьесам Шекспира.

Именно от Пенелопы Алиса впервые услышала о мадам Вестрис, которая, если верить газетам, очаровала весь Лондон, когда впервые появилась там спустя пять недель после битвы при Ватерлоо. Ее полное имя было Люси Вестрис, она была дочерью актера и замуж вышла тоже за актера, итальянца.

Газеты наперебой расхваливали ее жизнерадостность, ослепительную красоту и, хотя это звучало довольно шокирующе, ноги – лучшие во всей Англии.

В течение нескольких лет мадам Вестрис имела головокружительный успех, которым целиком и полностью была обязана своему непревзойденному умению танцевать. Но в прошлом году в газетах появилась сенсационная заметка: мадам Вестрис выступила в новой оперетте «Джованни в Лондоне» в мужской роли. Говорили, что звезда сцены с большой неохотой согласилась на это предложение.

Перебирая в памяти газетные статьи, Алиса припомнила, что на каждом спектакле с участием мадам Вестрис в зале яблоку негде было упасть: всем хотелось взглянуть на ее знаменитые ноги.

– По-моему, она очень смелая женщина, – заметила тогда Пенелопа.

– Но ведь это... как-то... нескромно, – нерешительно возразила Алиса.

Они долго об этом спорили, и в конце концов Алиса попыталась доказать свою правоту, продемонстрировав Пенелопе одну из немногих критических заметок, в которой говорилось:

«Эта роль, на которую ни одна женщина не согласится, если только она до последней частицы не утратила то, что определяет ее личность».

– Ну я бы так не сказала, – заявила Пенелопа. – По-моему, очень забавно выступить на сцене в костюме мужчины.

– Да как ты можешь такое говорить, Пенелопа! – вскричала Алиса.

В то же время она и сама не прочь была бы посмотреть спектакль «Джованни в Лондоне». Однако когда Пенелопа намекнула отцу, что неплохо бы съездить в театр на эту пьесу, он категорически отказался, заявив, что сие зрелище не для молоденьких девушек.

«Какая жалость, что Пенелопа осталась дома», – подумала Алиса, спеша к Королевскому театру, но, поразмыслив, решила, что это, пожалуй, и к лучшему. Если бы Пенелопа увидела мадам Вестрис собственными глазами, ей наверняка пришла бы в голову очередная сумасбродная идея: заработать деньги, играя на сцене.

Эта мысль показалась Алисе настолько нелепой, что она едва не расхохоталась.

Добравшись до Королевского театра, она с облегчением увидела, что дверь служебного входа открыта. Значит, репетиция еще не закончилась, решила Алиса, и есть надежда застать мадам Вестрис.

Впрочем, актриса могла уйти из театра и до окончания репетиции.

Испугавшись этой мысли, Алиса бегом бросилась к стеклянной будке, где с важным видом восседал пожилой и седой как лунь служитель.

- Я хотела бы видеть мадам Вестрис, – задыхаясь, проговорила Алиса.
- Это невозможно, мисс, если, конечно, она лично не приглашала вас.
- Меня прислала миссис Лалуорт. Я принесла мадам то, что она заказывала.
- Магазин на Бонд-стрит?
- Да.
- Тогда, полагаю, мадам вас примет.

Он вышел из будки и по мрачному коридору, при виде которого Алиса пришла к выводу, что за кулисами театра не так красиво, как в зрительном зале, повел ее туда, где располагались артистические уборные.

Они шли довольно долго, пока Алиса наконец не увидела ряд дверей с табличками. Из-за дверей доносились громкие голоса и звонкий смех; Алиса занервничала еще больше.

– Подождите здесь! – велел ей служитель.

Крепко вцепившись в сумочку, где лежали баночки с кремами, Алиса вознесла коротенькую молитву в залог их успешной продажи. Она была совершенно уверена, что, попробовав хотя бы один из них, мадам Вестрис придет в полный восторг.

Никто из соседей не сомневался в их лечебных свойствах, и с каждым годом все больше людей просили миссис Уинтон приготовить для них тот или иной целебный крем.

Между тем служитель постучал в дверь, на которой большими белыми буквами было написано:

МАДАМ ВЕСТРИС

В этот момент дверь на другой стороне коридора распахнулась, и оттуда, чирикающая и пересмеиваясь, выпорхнули три девушки в театральных костюмах.

Вблизи их платья выглядели абсолютно безвкусными, а декольте – до неприличия глубокими.

Алиса торопливо отступила в сторону, давая им дорогу. Девушки прошли мимо и скрылись из виду, но запах дешевых духов еще долго витал в воздухе.

Из-за двери мадам Вестрис послышался голос старого служителя, объяснявшего что-то, и Алиса, вспомнив предостережение миссис Лалуорт насчет дурного расположения духа, струхнула окончательно.

В газетах в последнее время появилось немало критических заметок по поводу необузданного темперамента примадонны, да и Пенелопа не раз говорила – хотя откуда ей это известно, Алиса представления не имела, – что звезда ведет себя вызывающе, мнит себя непревзойденной и считает, что прочие актеры ей в подметки не годятся.

Алисе показалось, что прошла целая вечность – хотя на самом деле не более нескольких минут, – прежде чем старик служитель вернулся.

– Мадам вас примет, – лаконично бросил он и, ткнув пальцем в дверь, которую даже не удосужился закрыть за собой, зашаркал по коридору.

Алиса вошла в уборную, ругая себя за то, что вообще ввязалась в эту историю с кремами, и в то же время преисполнившись решимости ради Пенелопы во что бы то ни стало уговорить мадам Вестрис купить их.

Уборная оказалась в точности такой, как себе представляла Алиса, – разве что попросторнее да цветов побольше. В центре комнаты стояла женщина невысокого роста и, взглянув на нее, Алиса уже не в силах была отвести глаз. Да и немудрено: женщину в панталонах она видела впервые!

Все, что Алиса собиралась сказать, тут же вылетело у нее из головы. Она могла только пожирать взглядом мадам Вестрис, облаченную в панталоны, плотно облегавшие ее знаменитые ноги. Без сомнения, мадам как раз собиралась репетировать свою роль в на шумевшей пьесе «Джованни в Лондоне».

Кроме панталон, на актрисе был красный камзол, расшитый золотой нитью. Он прикрывал бедра, но от этого вид у мадам Вестрис не становился более пристойным.

С трудом оторвав взгляд от нижней части ее тела, Алиса взглянула звезде в лицо.

Мадам Вестрис и в самом деле была необыкновенно красива: огромные сверкающие глаза, черные вьющиеся волосы. Она была похожа на итальянку, но говорила с французским акцентом, и Алиса вспомнила, что мадам лишь в прошлом году приехала в Англию из Парижа.

– Вы что-то принесли от мадам Лалуорт? – спросила она.

Алиса с опозданием подумала, что, поскольку выступает в роли торговки, не мешало бы сделать реверанс. Исправив это упущение, она поспешно проговорила:

– Да, мадам. Миссис Лалуорт сказала, что вам нужны новые кремы, а у меня они есть. Совершенно замечательные, таких в Лондоне еще не было.

– Вот как? – скептически бросила мадам Вестрис.

Алиса открыла сумочку и огляделась по сторонам, ища, куда бы ее поставить.

Все столы были заставлены цветами. В напольных вазах вдоль стен тоже стояли великолепные букеты.

Внезапно Алиса заметила, что мадам в комнате не одна – за гримерным столиком, удобно устроившись в кресле, сидел, вытянув ноги, какой-то джентльмен.

Впрочем, Алисе было не до него. Держа сумочку на весу, она вынула первую баночку.

– Этот крем называется «Весенняя свежесть», – объявила она. – Основу его составляют травы из нашего сада. Он великолепно смягчает кожу и помогает свести пятна.

– Оч-чень в том сомневаюсь, – невежливо ответила мадам Вестрис. – В этом кошмарном климате кожа постоянно сохнет и смягчить ее ничем невозможно.

Немного увереннее Алиса сказала:

– Уверяю вас, мадам, что, если вы будете смазывать кожу кремом «Весенняя свежесть» перед сном, а раз или два в неделю – кремом под названием «Алый восход», в состав которого входит морковный сок, ваша кожа станет мягкой, как шелк, и необыкновенно чистой.

Мадам Вестрис открыла баночки и осторожно понюхала. Потом взглянула на Алису так, словно только что ее увидела, и пренебрежительно бросила:

– Вы что, сами мажетесь этими кремами или просто пытаетесь их мне всучить?

От такой грубости Алиса на мгновение замерла, но быстро справилась с собой и проговорила:

– Поверьте, мадам, я не только пользуюсь ими, но и собственноручно их делаю. Меня научила этому моя мать.

– У вас в самом деле оч-чень чистая кожа, – с неохотой признала мадам Вестрис, окинув Алису холодным взглядом, и та, стараясь завоевать расположение примадонны, пообещала:

– Через месяц я смогу приготовить великолепный крем с клубничным соком. Он замечательно помогает от прыщей и любых пятен.

– Никаких пятен и прыщей у меня отродясь не бывало! – резко бросила мадам Вестрис, и Алисе на мгновение показалось, что сейчас предсказание миссис Лалуорт сбудется и она запустит в нее баночками с кремом.

Но этого не случилось. Подойдя к гримерному столику, на котором уже стояло огромное количество всевозможных баночек и флакончиков, мадам добавила к ним те, которые

принесла Алиса, а потом, присев на стул, принялась намазывать одну щеку «Весенней свежестью», а другую – «Красным восходом».

– Сомневаюсь, что они чем-то отличаются от тех кремов, которыми я пользовалась до сих пор, – заметила она.

– Уверяю вас, они гораздо лучше, – не сдавалась Алиса. – Если вы хоть раз попробуете на ночь нанести на лицо какой-нибудь из этих кремов, то утром сразу заметите, что ваша кожа стала еще лучше.

– Если что и убеждает меня, так это ваша собственная кожа, – заметила мадам Вестрис. – Или она у вас и в самом деле такая чистая, или вы настолько искусно замаскировали все погрешности, что сумели обмануть даже меня. Но тогда вы прирожденная актриса и вам самое место на театральных подмостках.

– А может быть, и то, и другое, – раздался протяжный голос из-за гримерного столика.

Алиса успела забыть, что, кроме мадам Вестрис, в уборной есть еще человек. А мадам Вестрис, словно тоже впервые об этом вспомнив, с улыбкой повернулась к своему гостю:

– Посоветуйте же, милорд, стоит мне попробовать что-нибудь новенькое?

– В таких вещах вы никогда раньше не сомневались, – ответил тот, и мадам Вестрис залилась громким смехом.

– *C'est vrai*¹, и мне ни разу не пришлось пожалеть об этом.

– Неудивительно, ведь весь Лондон от вас в восторге, – проговорил незнакомец.

Алиса догадалась, что имеется в виду спектакль, в котором мадам появлялась на сцене в упомянутых брюках, и подумала, что нужно обладать большой смелостью, чтобы выйти на сцену в подобном костюме.

Кончив намазывать щеки, мадам потянулась за пудреницей.

– И сколько же эта шарлатанка миссис Лалуорт за них хочет? Не сомневаюсь, цена будет умопомрачительная.

Алиса, набрав в грудь побольше воздуха, хотела ответить, но мадам Вестрис не дала ей и рта раскрыть. Она сама еще не до конца высказалась.

– Ни капельки не сомневаюсь, что, если я куплю их сегодня, завтра на них набросится весь Лондон. Мадам Лалуорт должна еще приплачивать мне за то, что я беру у нее товар.

От этих слов Алиса пришла в ужас. Если мадам Вестрис откажется заплатить, миссис Лалуорт ни за что не возьмет кремы, как бы хороши они ни были.

Внезапно протяжный голос проговорил:

– Предоставьте мне этим заняться. Вам ведь прекрасно известно, Люси, что я всегда готов быть вашим банкиром.

Мадам Вестрис рассмеялась:

– Оригинальный подарок и стоит гораздо дешевле, чем бриллиантовый браслет.

– Так вот чего вы желаете?

Мадам Вестрис с чисто французской беззаботностью пожала плечами.

– Какая женщина скажет, что ей больше не хочется бриллиантов? – нежно проворковала она.

– Я это запомню, – проговорил джентльмен. – А теперь, как это ни прискорбно, вынужден вас покинуть. Но после спектакля я к вам заеду и обещаю, вы не будете разочарованы тем вечером, который я устраиваю в вашу честь.

– В таком случае я непременно должна надеть ваш последний подарок, милорд.

Джентльмен поднялся и оказался высоким и широкоплечим. К тому же он был чрезвычайно элегантно одет; высокие сапоги были начищены до зеркального блеска, и, как отметила Алиса, хрустящий белоснежный галстук завязан самым прихотливым образом.

¹ Верно (*фр.*).

В таких вещах Алиса хорошо разбиралась: ей частенько приходилось помогать отцу завязывать галстук, и она знала, как трудно достичь подобного совершенства. Сэр Уинтон быстро терял терпение, начинал кричать: «Сойдет, сойдет!», и ей никогда не удавалось завязать галстук так, как хотелось бы.

Она перевела взгляд на лицо джентльмена, и оно показалось ей очень красивым, хотя и отчасти надменным.

Твердые черты, решительный подбородок, четко очерченные брови выдавали в нем человека властного и, может быть, даже опасного.

И в то же время она смотрела на него с любопытством, думая, что этот джентльмен, вероятно, являет собой тот тип мужчин, с которым Пенелопе предстоит общаться в Лондоне.

Впрочем, для Пенелопы он несколько староват, решила Алиса. К тому же ей не хотелось, чтобы сестра встречалась с мужчинами, которые волочатся за актрисами и танцовщицами.

Хотя деревня, в которой они жили, была тихим местом, но и туда доходили слухи о том, какие нравы царят в столице с одобрения принца-регента. Сестры затаив дыхание слушали рассказы о связи принца Уэльского с миссис Фитцхерберт, которую сменила леди Джерси, а потом и леди Хертфорд.

В разговорах с друзьями отец часто затрагивал эту тему, да и Элоиза с миссис Кингстон, возвращаясь из Лондона, неизменно привозили последние столичные сплетни и спешили поделиться ими со всеми.

Алисе было известно, что в высшем обществе считается вполне естественным, если какой-нибудь светский щеголь берет на содержание хорошенькую актрису или особу определенного сорта, с которой ни одна порядочная женщина знаться не станет.

Глядя, как джентльмен изысканным жестом подносит к губам ручку мадам Вестрис, Алиса дала себе твердый зарок следить, чтобы Пенелопа не связалась с каким-нибудь распутником или светским повесой, всегда готовым пофлиртовать с девушкой, но никогда – жениться.

– До вечера, – проговорил джентльмен и, взглянув на Алису, сказал ей: – Пойдемте со мной, я вам заплачу.

Алиса как раз хотела спросить, почему она должна идти с ним, но в этот момент в дверь громко постучали и послышался голос:

– Мадам, на сцену!

Ойкнув, мадам Вестрис схватила со стула шляпу, украшенную плюмажем, и торопливо проговорила:

– Au revoir, милорд. С нетерпением буду ждать вечера.

Последнее слово она выделила понижением голоса и, бросив из-под густо накрашенных ресниц на своего знакомого взгляд, который Алиса не могла расценить иначе как весьма интимный, выбежала из уборной.

Когда ее торопливые шаги затихли в коридоре, Алиса подняла голову и, увидев, что джентльмен пристально смотрит на нее, смутилась.

– Как я полагаю, у вас нет экипажа, – сухо проговорил он, на свой обычный манер растягивая слова. – Я отвезу вас, куда вы скажете.

– В этом нет необходимости, – быстро сказала Алиса. – Я пришла сюда пешком... И могу вернуться пешком обратно.

– Откуда вы пришли?

– С Бонд-стрит.

– Поскольку я живу на Беркли-сквер, нам по пути, и, я думаю, вы согласитесь, что мой фаэтон гораздо удобнее ваших ножек.

Возражать было бы глупо, и Алисе оставалось только сказать:

– Благодарю вас.

Она вышла из уборной первой, подумав про себя, что рядом с таким элегантным господином выглядит оборванкой.

Когда они проходили мимо стеклянной будки, Алисе показалось, что старик служитель слегка улыбнулся.

– Большое вам спасибо, – поблагодарила его Алиса и вышла на улицу.

Рядом со служебным входом стоял фаэтон, запряженный парой великолепных коней. Такого роскошного экипажа Алиса ни разу в жизни не видела. Она изумленно уставилась на него и смотрела до тех пор, пока джентльмен не сказал с легкой улыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.